

*Валерий Гальцов
(Калининград)*

ОБРАЗ Н. М. КАРАМЗИНА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Анализируется процесс формирования поэтического образа Н. М. Карамзина в конце XVIII и в XIX веке: отражение в русской поэзии литературной борьбы современников вокруг творчества знаменитого писателя и историка и последующая канонизация его личности в поэзии.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, русская литература, русская поэзия, литературная критика, историческая наука, историография.

И зучая материалы об отношении к Карамзину его современников и потомков, замечаешь, что практически все, и в прошлом и в настоящем, высоко оценивают Карамзина как нравственную личность, но по-разному — его литературно-художественное творчество (особенно современники писателя) и, порой, диаметрально противоположно — его общественно-политические взгляды и концепцию русской истории. Сейчас уже практически нет споров о том, что Карамзин внес важный вклад в формирование современного русского литературного языка и сыграл выдающуюся роль в формировании русского исторического и национального самосознания.

Но что из наследия этой личности на самом деле востребовано в наше время? Его литература, скажем честно, полумертва для массового читателя по сравнению с произведениями его младшего современника Пушкина. В основном она — предмет исследований специалистов и элемент школьной программы по русской литературе¹. Его «История» на протяжении почти всего XX века для массового читателя

© Гальцов В., 2016

¹ Один из идеологов славянофильства К. С. Аксаков был во многом прав, когда еще в 1848 году отметил, что «Карамзин, со всеми его великими заслугами, — писатель и деятель публики, а не народа», имея в виду, что после Петра «Россия разделилась на народ и публику... У нас и народ, и публика имеют эпитеты: народ у нас православный, а публика — почтеннейшая» [1, с. 102 — 103].

оставалась малодоступной по идеологическим причинам, но в постсоветское время, в атмосфере общественного поиска коренных национальных основ, была широко растиражирована на волне коммерческого успеха ранее «обиженной» властью полузапрещенной литературы. Ответ на вопрос о количестве современных публикаций и читателей «Истории» Карамзина напрямую, однако, не отражает степень популярности этого сочинения в общественном сознании, потому что число читающей литературу публики давно уже не является индикатором общественных настроений. И, тем не менее, мы наблюдаем всплеск интереса к Карамзину и естественную особую популярность его в год реализации программы юбилейных мероприятий. Этот современный интерес — кажется, не без признаков политизированности — скорее интерес не столько к творчеству, сколько к личности, точнее к образу, Карамзина.

И вот это важная тема — как складывался и развивался этот образ, как он влиял на культуру, общество и политику в нашей стране. В современном карамзиноведении, идущем от Ю. М. Лотмана, данная тема занимает далеко не последнее место. Изучались различные вопросы: формирование личности и творчества Карамзина в контексте эпохи (Ю. М. Лотман [7], Н. Я. Эйдельман [12]), история борьбы мнений современников о сочинениях Карамзина, главным образом, об «Истории государства Российского» (В. Э. Вацуро [3], В. П. Козлов [6]), творчество Карамзина и его образ в литературе и исследованиях в XIX — XX веках (Л. А. Сапченко [9], Т. А. Алпатова [2]).

Изучая различные стороны того, как складывался образ Карамзина при его жизни и после смерти, исследователи использовали в основном прозаические тексты современников и потомков писателя. В публикуемой здесь работе сделана попытка показать, как в конце XVIII и XIX веке этот образ формировался в русской поэзии. Такой выбор можно обосновать тем, что специальных исследований подобного рода практически нет, тогда как именно поэтические тексты своей выразительностью и образностью могут с наибольшей силой влиять на формирование мифа в общественном сознании. Полной антологии стихов, посвященных Карамзину, до сих пор нет. Первая специальная подборка таких текстов появилась лишь в 1992 году в связи с 225-летним юбилеем писателя [4]. Помимо нее, основной материал для данной статьи был взят из двух сборников русских эпиграмм [8; 13].

Из всего написанного о Карамзине, в том числе в поэзии, выделяются прижизненные сочинения как составная часть истории его жизни и творчества, часть истории литературной полемики и борьбы мнений вокруг карамзинского творчества. Как наиболее обличительные здесь на первое место выходят эпиграммы. Удивительно, однако,

что при той острой литературной борьбе, которая развернулась с конца XVIII века между Карамзиным, точнее «карамзинистами», и их эпигонами («шишковистами»), эпиграмм на Карамзина было мало — буквально единицы. В то время как на его противников — А. С. Шишкова, М. Т. Каченовского, Н. А. Полевого и других — десятки [8].

Первые эпиграммы на Карамзина появились в связи с его заграничным путешествием в 1789—1790 годах и публикацией первых сочинений в сентиментальном стиле. В них содержится осуждение новаторства его литературы и карамзинское антипатриотическое «низкопоклонство перед Западом». В одной эпиграмме неизвестный сочинитель ругает Карамзина за это, прямо в духе наших современных радикальных «урапатриотических» борцов с «пятой колонной» «либералов-руссофобов»:

Видал я чудаков, которые езжали
За тридевять земель
Смотреть, как солнышко заморское родится.
Иль слушать, как шумит заморский ветерок,
Иль любоваться, как заморский ручеек
По камням и песку заморским же струится...
Как будто на Руси не стало ручейков,
Иль будто ветерок шуметь у нас не смеет,
И солнце русское согреться не умеет? [13, с. 52]

В том же духе съязвил о Карамзине поэт и драматург Н. П. Николев:

Был я в Женеве, был я в Париже,
Спесью стал выше, разумом ниже [8, № 300].

Куда более резкие выпады в адрес Карамзина содержались в «Похвале моему другу» (журнал «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. 4), написанной П. И. Голенищевым-Кутузовым, одним из наиболее рьяных критиков Карамзина. Это был стихотворный пасквиль, построенный на тенденциозном толковании цитат из различных карамзинских произведений, и содержал резкие, с явным умыслом доноса, обвинения автора «Моих безделок» и «Аонид» в безбожии и развращении юношества².

---

² Став в 1810 году попечителем Московского университета, Голенищев-Кутузов направил министру народного просвещения А. К. Разумовскому уже форменный обвинительный донос на Карамзина, который, впрочем, остался без последствий [5].

Сочинения Карамзина-сентименталиста начала XIX века и его последователей не без остроумия высмеивал в своих стихах князь Д. П. Горчаков, активный член шишковского кружка «Беседы любителей русского слова»:

К словесности на час мы нашей обратимся!
 Произведениями ее не восхитимся...
 В ней модных авторов французско-русский лик
 Стремится исказить отеческий язык.
 Один в ней следует жеманну Дюпати,
 Другой с собачкою вступает в симпати;
 Там воздыхающий, плаксивый Мирлифлор
 Гордится, выпусти сентиментальный вздор;
 Тот без просодии стихами песни пишет;
 Иной наивностью в развратной сказке дышит;
 А сей, вообразив, что он российский Стерн,
 Жемчужну льет слезу на шелковистый дерн.
 Приветствует луну и входит в восхищенье,
 Курсивом прописав змее свое прощенье³ [13, с. 53].

А далее он, сколь безжалостно, столь и недальновидно пытается предсказать судьбу творчества Карамзина:

И даже Мирлофлор, прозопиита дамской,
 Мечтающий пленять то былью нас, то сказкой
 Между сороками сидящий гогольком,
 Горячую слезу лиюц над васильком,
 И он умрет... Ах, нет! как сахар, он растает,
 В незриму превратится мглу,
 И свет бессовестный во веки не узнает,
 Что Стерном некогда он слыл в своем углу [13, с. 54].

На публикацию Карамзиным сборника стихов «Мои безделки» откликнулся эпиграммой и Н. М. Шатров, известный тогда своими стихотворными переложениями псалмов и духовных песен:

Собрав свои творенья мелки,
 Русак немецкой надписал:
 «Мои безделки».

³ Ж.-Б. М. Дюпати (1744 – 1788), французский юрист и писатель, автор «Писем из Италии» (1788, русский перевод И. И. Мартынова, 1800); мирлифлор, мирлифлер – франтик, щеголь; Л. Стерн (1713 – 1768), английский писатель, священник, автор популярных романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

А ум, увидя их, сказал:
«Ни слова! Диво!
Лишь надпись справедлива» [8, №534].

За что получил в ответ трехстишие от И. И. Дмитриева:

А я, хоть и не ум, но тут скажу два слова:
«Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова,
Нас, боже, упаси от разума такова!» [8, №391]

Иван Иванович, ближайший друг и соратник Карамзина, посвятил его писательскому таланту пять апологетических стихотворений: «Ответ» (1788), «Стансы к Н. М. Карамзину» (1793), «Послание к Н. М. Карамзину» (1795), «Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина» (1790-е годы), «К портрету Н. М. Карамзина» (1800: «Вот милый всем творец! Иль сердцем, иль умом / Грозит тебе он пленом: / В Аркадии б он был счастливым пастушком, / В Афинах — Демосфеном») [4, с. 64–69].

В 1790-х годах Карамзин-писатель был удостоен несколькими хвалебными поэтическими строками самого Г. Р. Державина:

...И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьи.

К портрету Н. М. Карамзина

Любозных Прелестей любезный обожатель
И росских звучных дел правдивый описатель [4, с. 70].

Конечно, основной массив про- и антикарамзинских сочинений при жизни автора был связан с его «Историей государства Российского». Можно сказать, что полемика, которая развернулась вокруг этого труда и его автора, стала основой для формирования современной российской историографии как научной дисциплины, изучающей историю исторической науки [6].

Как известно, даже ожидание «Истории» стало событием общественной жизни, отразившимся в литературе сторонников и противников Карамзина, в спорах о его способности справиться с заданием императора. Особенно это стало заметно, когда в 1810 году в «тверском салоне» великой княжны Екатерины Павловны члены императорской семьи и сам Александр I впервые прослушали отрывки из труда Карамзина.

Последний факт, сам по себе не такой уж значительный, породил целый поток славословий в адрес Карамзина его литературных подражателей и поклонников. Среди них — редактор-издатель московского журнала «Аглая», князь П. И. Шаликов, поэты: К. Н. Батюшков, называющий «Историю» «повестью прелестной», которой «пленяет Карамзин» [4, с. 71]; В. А. Жуковский (у него Карамзин «Наш Ливий — славянин», «Казался он пророком, / Открывшим в небесах / Все тайны их священны!» [4, с. 73]); П. А. Вяземский («О, мой второй отец! Любовью, делом, словом, / Ты мне был отческим примером и покровом» [4, с. 80]).

Среди тех, кто иронизировал над писателем-сентименталистом Карамзиным, не веря в его способности как историка, был известный остролов, поэт-сатирик С. Н. Марин, написавший в 1811 году такую эпиграмму:

Пускай наш Ахалкин стремится в новый путь
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишет свойства плакс, дав Игорю и Киею
И добреньких славян и милую Россию.
*** пускай Царя Великого поет,
Ни мертвым, ни живым покоя не дает.
Пусть список послужной поэмой называет,
Спокойства моего ничто не нарушает [13, с. 55].

Да что Марин — даже А. С. Пушкин, юный поэт, тогда еще не входивший в круг друзей Карамзина, выразил свои сомнения в успехе карамзинского дела в известной эпиграмме, когда в 1816 году прочитал в журнале извещение о предстоящем выходе в свет «Истории государства Российского»:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть про Грозного царя...»
— «И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам "Илью богатыря"» [8, №957].

Пушкин имел в виду неоконченную сказочную поэму Карамзина об Илье Муромце, опубликованную в 1795 году. Впрочем, это не мешало ему с большим уважением относиться к Карамзину и брать с него пример стойкости перед лицом несправедливой критики, которую испытывал и Пушкин:

...Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин? [4, с. 78]

Его мнение разделяют и В. Л. Пушкин, и В. А. Жуковский:

...И тот же Карамзин, друзья,
Разимый злобой, несраженный,
Для нас пример и судия.
...
Твори, будь тверд; их зданья ломки,
А за тебя дадут ответ
Необольстимые потомки [4, с. 74].

Выход в свет первых восьми томов «Истории» в 1818 году стал новым поводом для выражения чувств восхищения в поэзии многочисленных поклонников Карамзина, тогда как его противники (начиная с М. Т. Каченовского) критиковали «Историю» в прозе [5, с. 65 – 146].

К. Н. Батюшков писал о том, что он:

... так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал.
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье... [4, с. 72]

А. С. Пушкин делится своими чувствами с В. А. Жуковским:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет,
Он духом там – в дыму столетий!... [4, с. 78 – 79]

Но в то же время в своей знаменитой эпиграмме Пушкин не соглашается с карамзинским преклонением перед самодержавной формой правления:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута [8, № 958].

Однако, когда в «Вестнике Европы» Каченовский опубликовал две резко критических статьи против Карамзина, Пушкин выступил в защиту «русского Тацита» несколькими известными эпиграммами против Каченовского; первая из них звучала так:

Бессмертную рукой раздавленный зоил,
 Позорного клейма ты вновь не заслужил!
 Бесчестью твоему нужна ли перемена?
 Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
 Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
*Плюгавый вытолзок из гузна Дефонтена*⁴ [8, №971].

Литературная полемика вокруг «Истории» Карамзина продолжалась и после его смерти, наступившей в 1826 году, особенно когда с 1829 года Н. А. Полевой начал публикацию своей «Истории русского народа». Этот труд он открыто противопоставлял монархической истории Карамзина — даже в том, что собирался тоже издать 12 томов (до 1833 года вышло 6). За это Полевой подвергся критике со стороны «пушкинского круга», не во всем заслуженно признавшей работу Полевого недостойной «пародией» на Карамзина. Примером может служить одна из четырех эпиграмм П. А. Вяземского на Полевого:

Есть Карамзин, есть Полевой, —
 В семье не без уroda.
 Вот вам в строке одной
Исторья русского народа [8, №898].

Но все-таки главным в поэзии, посвященной Карамзину, было создание его «бессмертного» образа. Н. Я. Эйдельман верно заметил, что «все чаще защита друзей сбивается на панегирик, на обвинения тем, кто осмелился о Карамзине толковать без должного почтения» [12, с. 87]. Основными вехами в этом деле была поэтическая активность в связи со смертью Карамзина в 1826 году, открытие памятника историку в Симбирске 23 августа 1845 года и празднование его столетнего юбилея в 1866-м. О создании официального образа Карамзина пишет Ю. М. Лотман:

Карамзин не успел закрыть глаза, как началась работа по посмертной его канонизации, устранению из его облика всего смятенного, трагического, незаконченного и — следовательно — живого. Прежде чем внести в Пантеон, надо было превратить его в монумент. Мертвого стремились за-

⁴ Здесь и далее курсив наш. — В. Г.

вербовать в союзники и его именем освятить суету своих дел и расчетов. Прежде всего в эту работу включился Николай I, уже показавший себя в 1826 г. не только бессердечным палачом, но и умелым комедиантом. Демонстративные милости были первым шагом к созданию официальной легенды о Карамзине. Именно «святого» Карамзина противопоставил царь «крамольному» Пушкину после смерти поэта: «Карамзин умирал, как ангел», а Пушкина, сказал Николай Жуковскому, «мы насилу довели» «до смерти христианской». Николай именем Карамзина упрекал уже мертвого Пушкина [7, с. 304].

После смерти Карамзин для В. А. Жуковского стал как «живое проведение», украшение земли с «небесным ангелом» «в младенческой душе» и, наконец, — нравственной опорой для верных сынов Отечества:

...Лежит венец на мраморе могилы;
Ей молится России верный сын;
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя *Карамзин*... [4, с. 76]

В связи с открытием памятника Карамзину в Симбирске в 1845 году появилось, пожалуй, одно из наиболее удачных стихотворений о Карамзине, написанное его земляком, поэтом Н. М. Языковым. В нем он прозорливо предсказывает судьбу творческого наследия Карамзина в XX веке:

...Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!

Умело комментируя труд Карамзина, Языков показывает глубокое понимание русской истории. Вот как он описывает важнейший сюжет карамзинской «Истории» — опричный террор Ивана Грозного:

...Великий Иоанн, всей Руси повелитель, —
И вот наш Грозный, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель, —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнь казнь; у плахи незаконной
Весь день мясничает топор.

По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепenea,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! — Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!

Здесь можно было бы добавить словами Языкова: «...покуда Русь святая / Самой себе не изменит!» Похоже, что с установкой памятника тирану в Орле проклятие снято и Русь в очередной раз «самой себе» изменила.

И, наконец, Языков верно и образно-поэтически объясняет суть и значение феномена Карамзина для самоопределения русского человека:

Он будит в нас огонь прекрасный и высокий,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижимый в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой, —
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих! [4, с. 88 — 91]

Всероссийское празднование столетнего юбилея Карамзина в 1866 году фактически завершило создание его поэтического образа [11]. На многих торжественных собраниях читали стихотворение П. А. Вяземского «Тому сто лет»:

...Сперва, попыткою искусства,
На новый лад настроив речь,
Успел он мысль свою и чувства
Прозрачной прелестью облечь.

Россия речью сей пленилась,
И с новой грамотой в руке,
Читать и мыслить приучилась
На Карамзинском языке.

<...>

Нам предков воскресил он лица,
Их образ в нас запечатлел...

<...>

Он учит в нравственной свободе
Блюсти общественный закон,
Отечеству быть верным сыном
И человечество любить.
Стоять за правду гражданина
И вместе человеком быть.

<...>

Он чистотой души и слога
Был, есть и будет образцом... [4, с. 84–86]

А. Н. Майков тогда же в стихотворении «Карамзин» продолжил размышления о значении исторического труда Карамзина:

... То был великий муж... Один он видел ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшие умы, чужие на чужбине...

<...>

Во всем величии судеб своих Россия
Ему являлась из сумрака времен...
Там исцеление! Там правда! – верил он,

<...>

И эти образы вмести в душе всецело,
Он словно отлил их из меди в речи смелой,
И вдруг свою скрижаль воздвиг, как Моисей,
На поучение народов и царей...

Очнулся русский дух... туман заколебался... [4, с. 94; 10]

Наконец, широкое распространение и популярность получило тогда же стихотворение «На юбилей Н. М. Карамзина» Ф. И. Тютчева, прочитанное на вечере памяти писателя, состоявшемся 3 декабря 1866 года в Петербурге в Обществе для поощрения нуждающихся литераторов. Тютчев в Карамзине ищет поддержку в эпоху непредсказуемых и тревожных для многих реформ:

...Какой пошлем тебе привет –
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи...

<...>

Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить, -
Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России... [4, с. 95]

Поэтический образ Карамзина, сложившийся в XIX веке, в наиболее концентрированном виде отражал понимание и оценку его личности и творчества. Может быть, в большей степени, чем литературный или научный нарратив, поэтический образ способствовал популяризации и закреплению его в общественном сознании. В поэзии Карамзин предстает как преобразователь языка, внесший гармонию в русскую языковую стихию; как первооткрыватель («Колумб») российской истории, невзирая на то, что и до него были знаменитые русские историки; как воплощение настоящего русского гражданина. Наконец, история поэтического образа Карамзина показывает его востребованность в сложные или переломные моменты общественного развития, когда фундаментальные ценностные ориентиры человека и общества подвергаются деформации и меняются представления об истине, когда понятие человеческого достоинства, которым в полной мере был наделен Карамзин, приобретает особое значение⁵.

---

⁵ Показателен в этом отношении факт обращения к личности Карамзина в тяжелый для страны период распада Советского Союза. За две недели до принятия декларации о прекращении существования СССР, 11 декабря 1991 года в Колонном зале Дома союзов в Москве состоялся торжественный вечер, посвященный 225-летию со дня рождения Карамзина. Президент России Б.Н. Ельцин направил его участникам послание, в котором отметил, что «жизнь великого историка Н.М. Карамзина представляет собой подвиг человека, отдавшего все свои силы, опыт, талант делу служения Отечеству». И далее: «Сегодня, в критический для нашего Отечества момент, мы с особым чувством и пониманием всматриваемся в пройденный нами исторический путь, вчитываемся в строки великого произведения исторической мысли, каким является "История государства Российского"» [4, с. 8].

Список литературы

1. Аксаков К. С. О Карамзине. Речь, написанная для произнесения пред Симбирским дворянством // Русская литература. 1977. №3. С. 102 — 110.
2. Алтатова Т. А. Творчество Н. М. Карамзина : цикл лекций. М., 2010.
3. Вацуро В. «Подвиг честного человека» // Прометей. М., 1968. Т. 5. С. 8 — 51.
4. Венок Карамзину. М., 1992.
5. Карамзин: PRO ET CONTRA: личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей : антология / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб., 2006. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml (дата обращения: 05.01.2016).
6. Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
7. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Карамзин. СПб., 1997. С. 10 — 311.
8. Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. М., 1975. (Библиотека поэта).
9. Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин: судьба наследия (век XIX). М. ; Ульяновск, 2003.
10. Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин в восприятии В. Н. и А. Н. Майковых // Гончаров И. А. : материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 332 — 342.
11. Сапченко Л. А. Культурный герой: Н. М. Карамзин в юбилейных материалах 1866 г. // Вестник Европы. 2003. №7 — 8. С. 216 — 224.
12. Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983.
13. Эпиграмма и сатира: из истории литературной борьбы XIX века. М. ; Л., 1931. Т. 1.

Valery Galtsov

THE IMAGE OF N. M. KARAMZIN IN RUSSIAN POETRY

There are virtually no specialized studies into the creation of poetic image of N. Karamzin in late 18th - early 19th centuries in Russian literature; though it is the expressiveness and imagery of poetry which can have a great impact on the myths in public consciousness. The present study is based on the texts published in the following collections of poems: "Epigrams and Satire: from the history of literary feud of the 19th century" (Epigramma i satira: iz istorii literaturnoy bor'by XIX veka. Moscow, 1931. Vol.1); "Russian epigrams of the second half of the 17th - early 20th centuries" (Russkaya epigramma vtoroy poloviny XVII - nachala XX vv. Moscow, 1975); "A wreath to Karamzin" ("Venok Karamzinu". Moscow, 1992). These are collections of epigrams and poems by N. Karamzin's

opponents (N.P. Nikolev, D.P. Gorchakov, P.I. Golenischev-Kutuzov, N.M. Shatrov, S.N. Marin) and his multiple idolaters and followers (G.R. Derzhavin, P.A. Vyazemskiy, I.I. Dmitriev, P.I. Shalikov, K.N. Batyushkov, V.A. Zhukovskiy, A.S. Pushkin, V.L. Pushkin, N.M. Yazykov, A.N. Maykov, F.I. Tyutchev). N. Karamzin is depicted in poetry as a Russian language reformer; the one who brought harmony into the 'nature' of Russian language; a discoverer, 'Columbus' of Russian history, in disregard for famous Russian historians before N. Karamzin; and a true Russian citizen. Ultimately, the history of image of N. Karamzin in Russian poetry shows his relevance at hard and critical times of country's history when fundamental values and value orientations were strained, but human worth which N. Karamzin presented to the world the full took on particular significance.

Key words: *N.M. Karamzin, Russian literature, Russian poetry, literary criticism, historical science, historiography.*